

Амирханян А. М.

ХРИСТИАНСКИЙ КОНТЕКСТ ДОБРОДЕТЕЛИ В РОМАНЕ Л. Н. ТОЛСТОГО "ВОСКРЕСЕНИЕ"

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/2-3/1.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2012. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. III. С. 9-14. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/2-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

На рубеже XIX-XX веков, в 1899 году, был напечатан роман Л. Н. Толстого «Воскресение», что рассматривалось современниками писателя как событие «знаменательное», «символическое»: «...на таких-то созданиях кончается XIX-й век и наступает XX-й» [Переписка 1929: 233]. Работа над романом была начата много раньше. В исследовательской литературе чаще указывается зафиксированное в дневниках Толстого событие, названное впоследствии писателем «Коневской повестью» или «Коневским рассказом» 1887 года. Однако этот сюжет под «ухватистым» пером великого писателя имеет жизнеутверждающее содержание. «Воскресение» - *итог*, и не только всего предшествующего пути Толстого, ...и всего искусства XIX века. Этот великий роман также *начало*, имевшее продолжение не столько в последующем, после «Воскресения», творчестве его создателя, сколько в искусстве уже нового, XX века», - подчеркивается Л. Н. Кузиной и К. И. Тюнькиным в комментариях к роману. Так какое же «начало» положено в романе Толстого?

В 1882 г. Л. Н. Толстой пишет Н. Н. Страхову: «... я отрицаю то, что противно смыслу жизни, открытому нам Христом, и этим занимается все человечество. До сих пор уяснилось безобразие рабства, неравенства людей, и человечество освободилось от него, и теперь уясняется безобразие государственности, войн, судов, собственности, и человечество все работает, чтобы сознать и освободиться от этих обманов. Все это очень просто и ясно для того, кто усвоил себе истины учения Христа; но очень неясно для того, для кого международное, государственное и гражданское право суть святые истины, а учение Христа хорошие слова» [Толстой 1984: 19, 14]. Роман «Воскресение», судя по дневниковым записям, создавался долго, в несколько «этапов», во время которых Толстой соединял «теперешний взгляд на вещи» разных периодов своей жизни. Не случайно именно здесь, в романе-итоге «Воскресение», была дана развернутая «суровая критика всех устоев» [Гудзий 1953: 36].

Мысль «крестьянская» в «Воскресении» (крестьяне духовно ближе к заповедям Христа, они набожнее своих бар), являясь логическим продолжением «мысли народной» в «Войне и мире», развернулась на самых разных социальных ступенях, о чем писатель пишет в дневнике накануне работы над романом: «Они [крестьяне] - предмет, - положительное», а бары - «тень, то - отрицательное» [Толстой 1984: 21, 370].

Сопоставляются души бар и крестьян: бары «изысканны» во всем - изысканное умение себя преподнести, изысканный обед, изысканное платье, вазы, изобилие, семейные узы; изысканно, бездушно и равнодушно, холодно и с «чистой» совестью отправляют арестантов по городу, на каторгу, решают судьбы простых людей. В противовес этому крестьяне, арестанты - замученные бытийными ужасами, с испуганными лицами и съезжившимися душами, забитые ритуалами законов государственной и бездушной церковной службы. Противопоставление сильнее вычерчивает мысль «крестьянскую», которая перерастает в мысль «психологическую», т.е. предмет исследования переходит в душевную и духовную области, где каждое описываемое событие - проповедь, неприкрытая мораль. Нехлюдов, ищущий в начале романа наибольшего блага для себя, в финале пытается его достичь уже не для себя. Он ищет «царства божия и правду его, а остальное приложится вам». Он приобщается к евангельскому наставлению «воскресающим», «ибо истина передается людям только делами истины <...> истина передается людям не словами, а только делами истины» [Полнер 2000: 122].

В романе «Воскресение» смысл преображения духа и пробуждения души заключен в цитатах эпитафии из стихов евангелистов Матфея, Иоанна и Луки, основная суть которых - умение прощать, видение пороков не только и не столько окружающих, сколько своих собственных, и стремление к «усовершенствованию»: «Матф. Гл. XVIII. Ст. 21. Тогда Петр приступил к нему и сказал: господи! сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня? до семи ли раз? 22. Иисус говорит ему: не говорю тебе: до семи, но до седмижды семидесяти раз»; «Матф. Гл. VII. Ст. 3. И что ты смотришь на сучок в глазу брата твоего, а бревно в твоём глазу не чувствуешь?»; «Иоанн. Гл. VIII. Ст. 7. ...кто из вас не без греха, первый брось в нее камень»; «Лука. Гл. VI. Ст. 40. Ученик не бывает выше своего учителя; но и усовершенствовавшись, будет всякий, как учитель его».

После цитаций из Евангелий жизнь должна «пахнуть» евангельской мудростью, храмом Божиим, ладаном, церковью. Но перед нами вырастает образ города, в котором совершаются не божеские деяния. Город старался своим равнодушием и безразличием к судьбам своих обитателей уничтожить, «изуродовать ... землю», саму жизнь, ее пробуждение (описание весны в городе в самом начале романа), «как ни дымили каменным углем и нефтью, ... - весна была весною даже и в городе». Пробуждение наступает не сразу. Сначала приходит равнодушие, сменяющееся озлобленностью: «добрые люди сделались злыми только потому, что они служат <...> ужасно видеть людей, лишенных главного человеческого свойства - любви и жалости друг к другу».

Пробуждению души в обыденной жизни сопутствуют различные «запахи в воздухе» - города, пробуждающейся весны, «пахучих листьев», стен, «пригретых солнцем» и др. Но люди не слышат необратимости пробуждения - воскресения. Они «не переставали обманывать и мучать себя и друг друга». Незаметна и красота «мира божия, данная для блага всех существ». Больше всего запахи весны в городе должны были напоминать людям, что «священно и важно то, что они сами выдумали, чтобы властвовать друг над другом», а

также оказалось «священным и важным то, что накануне получена была ... бумага о том, чтобы ... были доставлены ... три содержащиеся в тюрьме» арестанта. И снова запахи. Но уже как в зеркале отражающие важное и священное в жизни мира (по Вл. Далю, в значении «вселенная»): «темный вонючий коридор», «привычка к дурному воздуху», «вонючие и шумные камеры мужчин», «удручающий тифозный воздух», «пропитанный запахом ... дегтя, гнили». И тут же - «распечатав пахучее письмо». «Священное» действие жизни Толстой связывает не с запахом ладана, свечи, церковного благоговения (миро) для таинства миропомазания, а с запахом бытия будничного, тюремного, наказания.

Такого рода «откровенность» рождает новое качество правды жизни, и чем откровеннее становятся описания бытия, тем более отдалается, еще не начавшись, от своего круга главный герой Нехлюдов; привычное его окружение должно стать враждебным к подобному откровению (писатель подготавливает читателя к такому развертыванию событий). Откровенность соприкасается с проблемой моральной - нравственность-безнравственность бытия, - за что в былые времена, по Библии, уже было послано человечеству наказание свыше. Сначала - откровенность для себя (т.е. для самого Толстого), затем эта откровенность становится откровением для общества и, шире, культуры в целом.

Та же контрастная игра с цветом: все описанное «холодных» цветов - кофта, подпоясанная «синим кантом», «серый халат (заметим, серый - цвет дыма, грязи. - А.А.), надетый на белую кофту и белую юбку» (белый - цвет невинности, непорочности, чистоты души. - А.А.), «колечки вьющихся черных волос», «лицо ... той особенной белизны, которая бывает на лицах людей, прошедших долгое время взаперти, и которая напоминает ростки картофеля в подвале» (сравнение с овощем, как символ бессловесности и несправедливости. - А.А.), письмо «было написано на листе серой толстой бумаги» и т.п. Мифологема запаха и цвета проходит через весь роман лейтмотивом, неоднократно повторяющимся и варьирующим, подчеркивая не только художественные детали, но и особенный художественный образ, характеристику и настроение выделенного словом смысла всего происходящего и служащего подтекстом произведения. Это мотив рабского угнетения, выраженный через много контрастов, отражающих «не схватывание внешних форм жизни, а подлинное касание самого бытия, самого сердца жизни» [Сувчинский 1995: 3].

В 1900 г. французский барон, известный музыкальный критик и знаток искусства Анри-Луи де Лагранж, прочитав толстовское «Воскресение», назвал его «квазиавтобиографическим исследованием греха и самообмана»: «Я совершенно не способен примирить смысл ... с той истиной, которая раскрывается в этом романе» [Гульд 2006: 1, 94]. «Любовная» тема использовалась Толстым намеренно, для того, чтобы воздвигнуть на ее основе «оскверняющие духовную жизнь народа» картины в сравнении с сакральными и светскими темами в искусстве. Вместе с тем, «большая часть искусства, создаваемого в высших слоях общества, - указывал патриарх американской славистики и крупный исследователь биографии и творчества Л. Толстого Эрнест Симмонс, - никогда не могла быть понята и оценена массами; это изысканное искусство предназначено лишь для того, чтобы доставить удовольствие светским щеголям, тогда как трудящиеся вовсе не воспринимали его как удовольствие. (Но Л. Толстой писал роман не для широкой, а для понимающей аудитории! - А.А.) Толстой верил, что в основе аристократического искусства лежат три ... качества: гордость, томление и усталость от жизни» [Гульд 2006: 1, 175-176]. По этому поводу читаем у Толстого: «... Вследствие безверия и исключительности жизни богатых классов искусство этих классов обеднело содержанием и свелось все к передаче чувств тщеславия, тоски жизни и, главное, половой похоти...» [Толстой 1964: 15, 113].

Православная церковь бессловесно потакала безнравственности общества. Это видел Толстой. Естественно, его религиозные взгляды не могли во всем совпадать с принятыми и принимаемыми условностями государства, общества и официальной церкви. Он также замечал и «отторжение» официальной церковью любой культуры, которая не представляет экономических выгод для института церковной власти. Это та «ситуация, в которой Государство выражает себя посредством директив в адрес художника, отличающихся от этических заявлений Толстого или моральных и духовных указаний православной Церкви» [Гульд 2006: 1, 175-176].

В письме от 17 апреля 1884 г. к А. А. Толстой писатель выделил: «...не обращайтесь меня в христианскую веру». Спустя несколько дней тому же адресату: «...вера моя дурная - это все равно [впрочем, как и Нехлюдову, хлопочущему за Маслову. - А.А.] ... всякая вера хороша». И, обосновывая не «царствующую веру», а ту, какой он ее видит и понимает, граф продолжает в переписке с Н. Н. Ге (старшим) в том же году: «...Мы переживаем не период проповеди Христа, не период воскресения, а период распятия. Ни за что не поверю, что он воскрес в теле, но никогда не потеряю веры, что он воскреснет в своем учении» [Толстой 1984: 19, 32]. Кстати, в том же письме Л. Н. Толстой дает оценку картине Н. Ге «Распятие». В этот период художник работал над знаменитым циклом картин на библейские сюжеты - это «Распятие», «Тайная вечеря», «Совесть», «Голгофа», «Что есть истина?». По справедливому замечанию И. Долгополова, «холсты последних лет творчества живописца - симфонии борьбы зла и добра, света и тьмы. Порою, глядя на творения Ге, будто слышишь музыку ... гневную, неистовую...» [Долгополов 1987: 2, 236-244]. Эти живописные «взвешивания» сопровождают и образ Нехлюдова: он и сам «бился два года» над картиной, писал этюды. Но «чувство бессилия идти дальше в живописи» предвещают его бессилие в жизни, покаянии и исправлении чего-либо. Герою «мучительно трудно» пройти в кабинет, где его ждет извещение о посещении государственного учреждения - суда, через комнату, в которой находятся незаконченные им картины. Он проходит, как на Голго-

фу, через все «мучения» бюрократической машины, обходит и обивает пороги всех, кто может помочь ему, Нехлюдову, исправить его же собственную ошибку на судебном процессе.

Толстой в начале романа «спасенную» в рождении Катюшу в дальнейшем, почти на всем протяжении произведения, именуется резко только Масловой. Сцены суда над Масловой по ходу повествования не столько развиваются, но и превращаются в тему двойственности суда - мирского государственного и Божьего высшего: «Христос - Судья и жертва одновременно. Ведь Христос Евангелия, уча верующих «не судите да не судимы будете», говорит о приходе Страшного Суда, в котором спасутся лишь верующие в Него» [Данилкова 2005: 2, 167].

Нехлюдов-судья становится жертвой своего суда, точнее, судилища, «показана трансформация судьбы в подсудимого, в жертву» [Данилкова 2005: 2, 167]. Он «признается» в содеянном. Ищет не следствие, а причины «вины» героини. И сам же пыгается, наказывая себя, признаваясь и раскаиваясь, получить отпущение грехов не у православного батюшки, а у своей жертвы. Признание и покаяние вызывают недовольство собой: «Нехлюдову все время было чего-то совестно», «Нехлюдов был недоволен собой», «Нехлюдов с неприятным чувством чего-то недоделанного...», «Чем он был недоволен, он не знал, но ему все время чего-то было грустно и стыдно», - указывает Л. Толстой.

Нехлюдов считает «всякий суд не только бесполезным, но и безнравственным», кроме суда своей совести. На его желание спасти ее Катюша отвечает: «Ты мной хочешь спастись ... Ты мной в этой жизни услаждался, мной же хочешь и на том свете спастись!» [Толстой 1983: 13, 172-173]. Зал суда тоже вызывает недоумение: «В правом углу висел киот с образом Христа в терновом венке и стоял аналой, и в правой же стороне стояла конторка прокурора». И все (прокурор, священник, присяжные) делали свое дело с сознанием, «что они делают серьезное и важное общественное дело».

Нехлюдов начинает сомневаться и в установленных государственным устройством относительно собственности началах («считаю грехом владеть землей», «земля - ничья, божья», «Разорву эту ложь, связывающую меня, чего бы это мне ни стоило, и признаю все и всем скажу правду и сделаю правду», и т.п.).

Роман наполнен чувствами совести, такими как «стыдно», «больно», «ничтожно», «грустно», «совестно», «скверно», «подло», «гадко» и др. Он заново «учится» каяться, молиться, чувствовать добро в своей возрождающейся вере: «Он остановился, сложил руки перед грудью, как он делал это, когда был маленький, поднял глаза кверху и проговорил, обращаясь к кому-то:

- Господи, помоги мне, научи меня, приди и вселись в меня и очисти меня от всякия скверны!

Он молился, просил бога помочь ему, вселиться в него и очистить его, а между тем то, о чем он просил, уже совершилось. Бог ... проснулся в его сознании. Он ... почувствовал все могущество добра» [Толстой 1983: 13, 109].

Заметим, у Толстого в дневниках неоднократно встречаются записи молитвы. Приведем выдержки из записей только за один 1890 год: «Молюсь много раз в день. И хорошо» (7 авг.); «Радостно молился. Думаю, что укрепляет меня» (20 авг.); «Молитва продолжает укреплять и двигать меня. Прибавляется, усложняется и уясняется» (26 окт.). Но в 1896 году в молитве читаем протест: «Одно утешает ... я не один, но с богом, и потому, как ни больно, чувствую, что что-то совершается. Помоги, отец ... А мы Бетховена разбираем ... молюсь, кричу от боли. Запутался, завяз, сам не могу, но ненавижу себя и свою жизнь» [Толстой 1984: 22, 349].

Нехлюдов, чувствуя незримую связь с «могуществом добра» и сознавая, что добро есть бог, в то же время заботится не о собственном грехе. Забота о грехе внезапно могла смениться на заботу о своей репутации.

Как и графиня Катерина Ивановна, Нехлюдов сторонник, хотя в этом не признается, мысли, что «сущность христианства заключается в вере в искупление». Человек имеет право, точнее, обязанность верить в то толкование Евангелия, которое одобряет Церковь, а «хула на православную веру - ссылка»: «Да неужели существуют законы, по которым можно сослать человека за то, что он вместе с другими читает Евангелие?» Преследование инакомыслящих, точнее, нетрадиционно понимающих Священное писание институтом власти в действительности имело место, и в романе об этом сказано, как о государственном управлении душами и духом народа, что, по мнению знакомого Нехлюдова, адвоката, - всего лишь «философия» и «общие вопросы».

Маслова о решении суда людского, точнее, государственного, судит, как о грехе («Грех это. Не виновата я»), «в ней происходила напряженная внутренняя работа». Но присяжные - «совесть общества, ... тайна совещательной комнаты ... священна», они «сами не без греха», так как «все эти внешние формы религии» - ложь. Виновата не Маслова в своем грехе, а порядки жизнеустройства, отдаляющие от истинного учения Христа. И та же «работа ума» происходит у Нехлюдова, перерастая в «работу души и духа», о чем говорит Катерина Ивановна: «... все это хороший признак и ... ты непременно придешь ко Христу». В душе Нехлюдова «боролись два чувства - зла и добра, оскорбленной гордости и жалости к ней (Катюше) страдающей», но никак не воскресения своей безгрешности.

Воскресение - краеугольный камень в христианской религии. «Если Христос не воскрес, то вера ваша тщетна», - писал апостол Павел, который, как и все апостолы, не сомневался, что Христос исполнил свое обещание и воскрес из мертвых. Апостол Павел верил, что он избран, чтобы нести людям Евангелие, которое означает «радостная, благая весть». Слово это заключает в себе смысл того, что люди не будут оторванными от бога из-за грехов своих, так как Иисус принесет прощение. Поэтому именно в «Воскресении» даны цитаты из евангелистов. Марк свою книгу назвал «радостной вестью», «благовестом», ибо «евангелием»

является сам Христос. Смерть и воскресение Иисуса дают возможность получить прощение грешным и вступить в новую жизнь, т.е. звучит «радостная весть» о спасении человечества. Если в Ветхом Завете Библии под «душой» **подразумевается** человек, то в Новом Завете «душу» **означает** человек: «... Не бойтесь убивающих тело ... а бойтесь более того, кто может и душу и тело погубить...» (Матф. Гл. X. Ст. 28).

Заповеди евангелистов, т.е. ветхозаветные законы заключают в себе не только десять заповедей, выражающих суть данной богом морали. Это правила как религиозной, так и общественной жизни. В Библии выделяется идея о том, что соблюдение законов и заповедей может привести к спасению человека, так как определяет, что такое грех. В ней лишь подчеркивается, что человек не способен полностью соблюдать требования заповедей и, следовательно, надо начинать с самого себя (как, впрочем, провозглашают и софисты). Если человек - «раб греха», то грех можно выкупить как какую-либо вещь. И Нехлюдов пытается грех не искупить, а выкупить. В Библии сказано, что если человек хочет оставить грех, то он не может сам это сделать. Чтобы сделать это, как призывает апостол Павел, надо всем сердцем «отдаться служению Господу» и надо позволить богу очистить душу от прошедшего дурного, когда человек был рабом греха. Но это наступает не сразу, надо ждать, когда Христос вернется на землю. «Возвращенным» носителем христианской идеи в романе является образ англичанина-миссионера, раздающего «положенное число Евангелий» в «тяжелом зрелище» тюремных камер с «удушливым воздухом», которые «подавляли ... его энергию». Нехлюдов, ведомый англичанином, «шел, как во сне, не имея силы отказать и уйти, испытывая все ту же усталость и безнадежность». Раздаваемое англичанином Евангелие не спасает и иностранца. Нехлюдов понимал, что «все то **страшное зло** (А.А.), которое он видел и узнал за это время ... царствовало», и не было видно того пути, точнее, тех путей, «не только победить его, но даже понять, как победить его». Нехлюдов «устал ходить и думать», он «машинально открыл данное ему на память англичанином Евангелие, которое он ... бросил на стол». Если прежние нехлюдовские прочтения Евангелия «отталкивали» его из-за «неясности» и «неточности», то мысль «говорят, там разрешение всего» оказалась сильнее страха не понять заключенную в Книге мудрость: «Как жалко, что это так нескладно ... а чувствуется, что тут что-то хорошее». Мысль «странность, как парадокс» по ходу прочтения находила «подтверждение в жизни» и «предстала ему как самая простая, несомненная истина». Эта мысль, как мы указали выше, «чтобы люди признавали себя ... виноватыми перед богом и потому не способными ни наказывать, ни исправлять других». Невозможно «будучи злым, исправлять зло». Это порочно и греховно, - таков ответ Христа главе первых христиан Петру, написавшему послания, дабы подготовить христиан к грядущим гонениям. Петр (его имя в переводе с греческого означает «камень» [Суперанская 2005: 177]) был тверд в своей вере. Евангелие-благо для Нехлюдова заключалось в том, что он понял из этих «неясных» законов-заповедей Нагорной проповеди. Надо «перестать делать то, что ... бесполезно, ... вредно ... безнравственно и жестоко», считать кого-то «ничтожным, «рак а» (т.е. «пустой человек» - поясняет сноски в Библии). И «прежде чем принести дар богу, то есть помолиться», надо «мириться» - то есть просить прощения и иметь смелость признать свои грехи, ошибки, научиться прощать обиды. Маслова, не забывая обиды и пользуясь предложенным добром Нехлюдова, желала отказом отомстить и таким образом совершает зло - месть есть то же зло. Христиане должны с милосердием относиться к людям. Ей еще предстоит духовное превращение и воскресение, не ее воскресение имеет в виду писатель. Она не чувствует прощения от бога. Посещая острожную церковь и участвуя в христианских ритуалах, в ней нет пока всепрощения. Муки Нехлюдова ей либо безразличны, либо доставляют, что чаще, чувство морального удовлетворения, а в Евангелии сказано, что, в понимании Нехлюдова, «не смотря на ... развращение, люди все-таки жалеют и любят друг друга». Следовательно, Масловой до воскресения предстоит пройти долгий путь, и она долго будет ведомой на этом пути, тогда как Нехлюдов, совершая «открытие» законов божьих заповедей, оказывается ведущим на пути к доступному «человечеству благо» - царству божию на земле.

Благо - благая весть - Евангелие. Маслова, повторимся, принимает добро Нехлюдова равнодушно, в ее равнодушии жажда мести. Она мстит в результате социальных разногласий, в мести-равнодушии есть жажда справедливого, по ее разумению, возмездия. С этой точки зрения она все-таки преступница, и наказание духовное для нее неизбежно. И только религиозный человек может руководствоваться христианской истиной «возлюби врага своего». В ней больше прилива ярости от оскорбления за добро, добровольно предлагаемого Нехлюдовым в желании остановить повсеместное зло, которые приносят страдания им обоим. Страдания входят в жизнь, по Библии, из-за человеческого греха. Они укрепляют дух, хотя в Библии нет рационального ответа на вопрос, зачем даются страдания. В то же время в Священном Писании предлагаются практические решения страдания через единение с христианской моралью. «Дело» Нехлюдова можно назвать истинно христианским поступком искупления своего греха и греховности человеческой. Он - раб греха. Греховное искушение главного героя романа Толстой направляет в русло искупления той ценой, которую платит он за ошибки свои. В конце произведения он желает не столько помочь Катюше и всем страждущим, сколько отдается всем сердцем служению правде жизни, начинает понимать прежние «неясности» посланий евангелистов и служит правде христианской. Суд, по Ветхому Завету, есть «справедливое правление» бога, и «последний суд» в христианстве представляет собой окончательное отделение добра от зла, и, как гласит Священное Писание, бог не допустит никакой несправедливости и каждый будет судим по тому, что он знает и что будет подсказывать каждому собственная совесть о правде и неправде, добре и зле. Воскресение, по Библии, встретят те христиане, которые надеются не на бессмертие души, а на воскресение целостной человеческой личности в новой жизни. И в конце романа эта мысль звучит. Нехлюдов понимает:

«Так вот оно, дело моей жизни. Только кончилось одно, началось другое». Как послания Павла часто начинаются и заканчиваются молитвой благодати, так и роман «Воскресение» начинается и заканчивается евангельскими (благими) изречениями-напутствиями.

Одно из изречений учит - «возлюби ближнего своего». Любовь Нехлюдова должна быть спасительной, но она оказывается губительной, так как пока только он понимает, какая любовь может спасти. А пока, как отметил в свое время Чернышевский, все рабы - сверху донизу. И Толстой продолжает эту мысль: «Сделалось все оттого, - думал Нехлюдов, - что все эти люди - губернаторы, смотрители, околоточные, городовые - считают, что есть на свете такие положения, в которых человеческое отношение с человеком не обязательно», они знали только свою «службу и ее требования». Ошибки земные исправимы через духовное пробуждение, подчеркиваемое писателем уже в самом начале «Воскресения»: «Как ни старались люди ... изуродовать ту землю ... - весна была весною даже и в городе». Призывом к пробуждению души служат истины, заключенные в предваряющем итоговый роман эпиграфе, открытие которых означает наступление весны. В дневниковой записи Толстого 24 октября 1895 года прослеживаются те же, что и в романе, мысли: «Брался за «Воскресение» и убедился, ... что центр тяжести не там, где должен быть, что земельный вопрос ... ослабляет то и ... выйдет слабо. <...> ... как только разум откинет соблазны, т.е. благо низшего порядка, так человек неизбежно начинает стремиться к истинному благу, т.е. к любви. ... Пока человек живет животной жизнью (в детстве всегда), у него только один путь. Но как только в нем проснулся разум, сознание своего существования, у него всегда два пути: либо подчинять свою животную природу разуму, либо разум заставить служить животной. Соблазны состоят в том, чтобы заставить служить разуму животную природу. Если человек подчинит свою животную природу разуму, откинет соблазны, то разум откроет человеку другой, единственный путь, и человек будет стремиться к нему» [Толстой 1984: 22, 36].

Любовь Нехлюдова к Масловой «не для себя, а для нее и для бога» перерастает в любовь ко всем людям и для бога. Нравственные изменения, говоря словами Л. Толстого, «внутренняя перестройка всего мирозерцания» Нехлюдова выбивают его из родной среды. В какой-то мере он похож на «странного старика» из романа.

В одной из наших работ мы писали о лейтмотиве «безумного» поведения, юродства или юродивого безумства. Но здесь также отметим введение этого образа. Юродивые обладали, как считали верующие, даром предвидения. Эти аскеты могли себя выдавать за безумцев либо действительно страдали умственными расстройствами. Смелые и «громкие», они не боялись обличать ни царей, ни вельмож. Именно «странный старик», которого гонят, «как Христа», говорит: «всякая вера себя одна восхваляет ... Вер много, а дух один. И в тебе, и во мне, и в нем ... Бог - отец, земля - мать» [Толстой 1984: 13, 431]. Включение в канву произведения «странного старика» имеет прежде всего антиклерикальное и истинно христианское воззрение, возникает атмосфера ожидания. Самое страшное - это равнодушие, отсутствие страдания и сострадания. Это «идея человека в Боге и Бога в человеке и их неразрывной свободной связи» [Струве 2002: 227]. Безумство, странность таких людей Толстой в дневниковых записях отмечает как свободу от условностей и святость: «... свобода есть - но она есть только для святого. Для святого мир перестает быть тюрьмой ... он ... становится господином мира, потому что он высший истолкователь его. «Только через него и знает мир, зачем он существует. Только он осуществляет цель мира». Хорошо» [Толстой 1984: 21, 374-375].

Нехлюдов исходит из общих принятых норм в желании помочь, но в его поступках видят «странности». «Пусть Толстой, как моралист, суживает человеческую природу, пусть он слишком верит в силу проповеди и потому слишком просто представляет себе процесс воспитания (или, вернее, самовоспитания) человечества ... Дело тут в религиозном направлении его мысли, в идее, что человек ответственен за себя и за мир» [Струве 2002: 227].

В последней главе романа Нехлюдов обращается к Нагорной проповеди, где говорится о «страшном зле», губящем все: «не виделось никакой возможности не только победить его, но даже понять, как победить его», и приводятся отрывки из Евангелия - там «разрешение всего». Действительно, «будучи злым, исправлять зло» невозможно, а достичь «царства божия на земле» - «доступное человечеству благо». По мнению Толстого, народ - хранитель жизни и носитель духовной чистоты и любви, власть же придержащие в романе - не отрицательные персонажи, но они отдалены от своих истоков. «Мы все - сыны Божии».

«Воскресение» - не только «роман-итог» и «роман-начало». Это роман-совесть, в нем есть древнерусская традиция жанра Хождений (Нехлюдова) по мукам совести. Евангелием начинается роман и заканчивается нравочениями, заветами из Евангелия. Заповеди суть молитвы. И писатель молится: «Боже мой, научи меня, как мне быть, как мне жить, чтобы жизнь моя не была мне гнусной». Я жду, что он научит меня» [Толстой 1984: 19, 34].

Список использованной литературы

1. Гудзий Н. К. Л. Н. Толстой - великий писатель русского народа. - М., 1953.
2. Гульд Г. Избранное: В 2 кн. - М., 2006. - Т. 1.
3. Данилкова Ю. Ю. Проблема вины и невиновности, свободы и неволи в суждениях героев романа Ф. Кафки «Процесс» // Вестник МГПУ: Филологический выпуск. - М., 2005. - № 2 (7).
4. Долгополов И. Мастера и шедевры: В 3 кн. - М., 1987. - Т. 2.
5. Л. Толстой и В. В. Стасов. Переписка 1878-1906. - Л., 1929.
6. Полнер Т. Л. Толстой и его жена. - М., 2000.

7. Струве П. Б. Л. Толстой // Русские мыслители о Л. Толстом. - Ясная Поляна, 2002.
8. Сувчинский П. П. Знамение былого // Московский журнал. - 1995. - № 3.
9. Суперанская А. В. Современный словарь личных имен: Сравнение. Происхождение. Написание. - М., 2005.
10. Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 20 томах. - М., 1964. - Т. 15.
11. Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 22 томах. - М., 1984. - Тт. 13, 19, 21, 22.

ОБРАЗЫ ДВИЖЕНИЯ ВРЕМЕНИ В ПРОЗЕ МАРСЕЛЯ ПРУСТА И ИВАНА БУНИНА

Андреева В. А.

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского

С движением времени - пунктирно намеченным - придется столкнуться даже самому поверхностному прустовскому читателю - к примеру, тому, кто пожалует собственного времени на чтение эпопеи, но пробежит названия романов - от «поисков утраченного» до «обретенного» времени. Уже из динамики названий можно вывести, что этот поиск разворачивается во многих направлениях и с различной скоростью, порой напоминая медленный полуденный сон («Под сенью девушек в цвету») порой - некую авантюрную погоню («Пленница» - «Беглянка») и, условно говоря, оказывается удачным. Внимательному (и терпеливому) спутнику рассказчика (которого русские комментаторы трогательно пишут с заглавной буквы, как Бога созданного им словесного мира) эта удача покажется сомнительной и, может быть даже иллюзорной (ведь самому Прусту на завершение книги жизненного пространства не хватило), но при ближайшем рассмотрении смысл дара, полученного Марселем проясняется. Дело в том, что в романе изначально существует два летоисчисления. Для одного из них человек, как любое живое существо - дерево или птица - подчиняется природному циклу: смене времен года и вращению земного шара. Внутри этого движения, при всей его неумолимости, остается место бессмертию - и восхитительные «девушки-цветы» превращаются в цветы на собственных могилах, хранящие тайны воспоминаний. С другой стороны, есть способ укрыться от своей природы - светское время («вторники» у Германтов, «среды» у Вердюренов.) В этой условной вечности, где весенние или зимние деревья становятся только симпатичным пейзажем, видом из окна во время завтрака или украшением гостиной (орхидеи у Одетты) и теряется герой. В результате, он превращается из «молодого человека» в «самого старого друга» внезапно - и для себя самого, и для читателя. В финале появляется трагикомический образ «человека на ходулях», который рискует упасть с высоты своих лет. «Обретение» времени становится откровением о зазоре между двумя вечностями, о пустоте утраченной жизни: и будущий «великий писатель» рискует остаться в прошлом только клоуном (даже не очень смешным).

У Бунина внешне сохраняется тот же природный ход времени, но более лирического, внутреннего плана. Его ощущение хода жизни соотносимо с метафорами «серебряного века» («бег времени» - Ахматова («солнечный лес... куда-то убежал...») и «шум времени» (Мандельштам) - шум ветра в ветвях и пр. Таким образом, человеческое измерение времени соразмерно природному (точнее, наоборот природное - человеческому), но при этом оно становится еще более неуловимым.

«Мы вошли в августовское, светлое, легкое, уже кое-где желтеющее, веселое и прелестное царство» [Бунин 1982: 49] - отмечает юноша Арсеньев, и в поступи этой фразы слышится имя императора Августа - и тут же искажает его сила. «Вечный» Рим оказывается также подвержен тлению, как человек - седине, но только в этом мгновенном промельке и заключается его единственная драгоценность для человека. Вечность отдана одному времени - церковному, но его торжественное течение не совпадает с человеческой жизнью, говорит на другом языке. «Солнечное» детство еще может бессознательно воссоединить небо и землю: так Алеша, не находя других слов, неожиданно называет ночь смерти младшей сестренки «волшебной», а сама маленькая Надя похожа на «нарядную куклу», таинственный подарок на Рождество. Воскресение совершается втайне, помимо человека. Для взрослых слова и времена года навсегда расставлены по местам и, соответственно, все надежды мертвы.

«Христос воскрес», - сказал он, подъезжая, с каким-то преувеличенным спокойствием. - Вы в Васильевское? Как нельзя более вовремя. Писарев приказал долго жить» [Бунин 1982: 97]. По случаю смерти Писарева, случившейся на Пасху, эти два застывших выражения оживают в своем буквальном и подлинном смысле. Преодолевший смерть, оставивший людям завет воскресения Христос и приказавший «долго жить», т.е. не заметивший собственной гибели Писарев оказываются по разные стороны смерти. «Каюк», вдруг настигший этого Писарева, так и не ставшего писателем, не имеет никакого отношения к Пасхе Христовой. Земное же время бежит, захватывая с собой пространство: «убегает» куда-то «светлый, солнечный лес», убегают под ветром облака, «убегает» за горизонт шоссе, такое же бесплотное и даже воспоминания человека подчиняется только силе этого ветра. Уходит время, уходит сквозь пальцы история, «азиатские» метели скрывают православные колокольни, «Мамай и Митька» разоряют русские деревни - а человек остается все тем же, и остается в одиночестве.

Таким образом, для Бунина в рамках человеческой «условной» вечности оказывается все мироздание и само чувство жизни связано только с ее движением - вечным и смертным.

Список использованной литературы

1. Бунин И. Сочинения в 3-х томах. - М., 1982. - Т. 3: Жизнь Арсеньева. Темные аллеи. Рассказы 1944-1952. - 535 с.